

В. Г. Белинский

Басни Ивана Крылова

Виссарион Григорьевич Белинский

Басни Ивана Крылова

«...Басня есть поэзия рассудка. Она не требует глубокого вдохновения, которое производится внезапным проникновением в таинство абсолютной мысли; она требует того одушевления, которое так свойственно людям с тихою и спокойною натурою, с беспечным и в то же время наблюдательным характером и которое бывает плодом природной веселости духа. Содержание басни составляет житейская, обиходная мудрость, уроки повседневной опытности в сфере семейного и общественного быта...»

**Виссарион Григорьевич
Белинский
Басни Ивана Крылова**

*БАСНИ ИВАНА КРЫЛОВА. В восьми
книгах. Сороковая тысяча. Санкт-Пе-
тербург. В типографии А. А. Плюшара.
1840. В 8-ю д. л. 300 стр.*

Басне особенно посчастливилось на святой Руси. Отец русской литературы, сам Ломоносов, низошел с своего лирико-эпико-драматического *котурна* (прозаически называемого теперь *ходулями*), чтобы написать басенку – «Волк в пастушьей одежде». Плодовитая и досужая бездарность Сумарокова наводнила современную ему литературу уродливыми «притчами». Наконец явился талантливый Хемницер и написал своего превосходного «Метафизика», который и доныне и всегда будет превосходен, как ловко написанная эпиграмма; но мы не знаем, можно ли одною эпиграммою, хотя бы и отличною, составить себе бессмертие. Кроме «Метафизика», Хемницер написал еще басни две или три, отличающиеся хорошим, по-тогдашнему, языком и какою-то наивною игривостию ума; потом сочинил еще басни две или три, примечательные теми же достоинствами, но уже с грехом пополам; потом еще десятка два или три басен, в которых, кроме дурного языка и отсутствия таланта, ничего не имеется. Недавно Хемницер как-то попал в моду; его стали издавать в Москве и в Петербурге. Разумеется, порядоч-

ных изданий было по одному в обеих столицах и потом вышло еще несколько площадных, на оберточной бумаге, с лубочными картинками, из типографий гг. Кузнецова и Кириллова. Не помним, к которому из них, Впрочем, кажется, к обоим, старые и почтенные литераторы приписали по предисловию, где изложили кстати биографию Хемницера и вообще рассуждали о нем с приличною важностию, словно о каком-нибудь Гомере или Шекспире{1}. То же самое учинил другой кто-то в одном отставшем и мнениями и книжками журнале, поместив целую статью о Хемницере, которую, для пущей важности, назвал «критикою»{2}. Что делать? – у всякого свой герой: Гомер пел героя Ахиллеса, а Виргилий ханжу Энея. Но как бы то ни было, а Хемницер все-таки удержится в истории нашей литературы, и дети никогда не перестанут смеяться от его «Метафизика». Уж за одно то большая ему честь, что с него началась русская басня. Басни Дмитриева – искусственные цветы в нашей литературе. Эти растения явно пересажены с родной почвы на чужую и возвращены в теплице. В них блистает салон-

ный ум XVIII века; в них язык наш сделал значительный шаг вперед. Конечно, мы уже не можем восхищаться баснями Дмитриева и даже никогда не чувствуем охоты перечесть их; но с ними связаны самые сладостные воспоминания о золотой поре нашего детства, и наши дети, пока будут детьми, не перестанут ими восхищаться. Некоторые забавники и теперь еще сказки Дмитриева ставят выше «Онегина» Пушкина, {3} и мы уверены, что многие старики от души соглашались с этими забавниками. *Suum cuique!*..[1] Однако ж басня все-таки многим обязана Дмитриеву. – Потом писали басни В. Л. Пушкин, В. Измайлов, и некоторые из их басен не уступают в достоинстве басням Дмитриева. Но выше их обоих Александр Измайлов, который заслуживает особенное внимание по своей оригинальности: тогда как первые подражали Хемницеру и Дмитриеву, он создал себе особый род басен, герои которых: отставные квартальные, пьяные мужики и бабы, ерофеич, сивуха, пиво, паюсная икра, лук, соленая сердюжина; место действия – изба, кабак и харчевня. Хотя многие из его басен возмущают

эстетическое чувство своею тривиальностью, зато некоторые отличаются истинным талантом и пленяют какую-то мужиковатую оригинальностью. Таковы, например: «Священник и крестьянин», «Пьянюшкин, отставной квартальный»{4} и пр. Но лучшее его произведение, доставившее ему особенную славу, есть «Павлушка медный лоб»{5}. Граф Хвостов и Маздорф написали множество басен и с равным успехом. Последний печатал свои басни в «Вестнике Европы», а особо не издал. Много можно бы начесть и еще баснописцев, но мы забыли их имена, а справляться некогда, да и не нужно; и без того видно, что басня была некогда любимым родом поэзии и процветала на Руси преимущественно перед всеми родами поэзии.

Но истинным своим торжеством на святой Руси басня обязана Крылову. Он один у нас истинный и великий баснописец: все другие, даже самые талантливые, относятся к нему, как беллетристы к художнику. Кстати: может быть, многие спросят нас, что мы понимаем под словом «беллетристика»? Здесь не место объяснять это, и мы поневоле должны отло-

жить объяснения по сему предмету до другого времени,{6} а пока заметим только, что беллетристика относится к искусству, как статуйки для украшения каминов, столов, этажерок и окон, бюстики Шиллера, Гете, Пушкина, Вольтера, Жан-Жака Руссо, Франклина, Тальони, Фанни Эльслер и проч. относятся к Аполлону Бельведерскому, Венере Медичейской и другим памятникам древнего резца, – и как эстампы относятся к оригинальным картинам великих мастеров.

Басня есть поэзия рассудка. Она не требует глубокого вдохновения, которое производится внезапным проникновением в таинство абсолютной мысли; она требует того одушевления, которое так свойственно людям с тихою и спокойною натурою, с беспечным и в то же время наблюдательным характером и которое бывает плодом природной веселости духа. Содержание басни составляет житейская, обиходная мудрость, уроки повседневной опытности в сфере семейного и общественного быта. Иногда басня прямо высказывает свою цель, но не холодным резонерством, не бездушными моральными сентен-

циями, а игривым оборотом, который обращается в поговорку, поговорку. Басня не есть аллегория и не должна быть ею, если она хорошая, поэтическая басня; но она должна быть маленькою повестью, драмою, с лицами и характерами, поэтически очеркнутыми. Самые олицетворения в басне должны быть живыми, поэтическими образами. Так, у Крылова всякое животное имеет свой индивидуальный характер, – и проказница мартышка, участвует ли она в квартете, ворочает ли из трудолюбия чурбан или примеривает очки, чтобы уметь читать книги; и лисица у него везде хитрая, уклончивая, бессовестная и больше похожая на человека, чем на лисицу с пушком на рыльце;{7} и косолапый мишка везде – добродушно честный, неповоротливо сильный; лев – грозно могучий, величественно страшный. Столкновение этих существ у Крылова всегда образует маленькую драму, где каждое лицо существует само по себе и само для себя, а все вместе образуют собою одно общее и целое. Это еще с большею характерностью, более типически и художественно совершается в тех баснях, где героями – тол-

стый откупщик, который не знает, куда ему деваться от скуки с своими деньгами, и бедный, но довольный своею участью сапожник; повар-резонер; недоученный философ, оставшийся без огурцов от излишней учености; мужики-политики и пр.{8}. Тут уже настоящая комедия! А между тем во всем явное преобладание рассудка и практического ума, которого поэзия в том и состоит, чтобы рассыпаться лучами остроумия, сверкать фейерверчным огнем шутки и насмешки. И, разумеется, во всем этом есть своя поэзия, как и во всяком непосредственном, образном передавании какой бы то ни было истины, хотя бы и практической. Самые поговорки и пословицы народные, в этом смысле, суть поэзии, или, лучше сказать, — начало, первый исходный пункт поэзии; а басня, в отношении к поговоркам и пословицам, есть высший род, высшая поэзия, или поэзия народных поговорок и пословиц, дошедшая до крайнего своего развития, дальше которого она идти не может.

Во времена псевдоклассицизма басню почитали одним из важнейших родов поэзии и Лафонтена ставили ничуть не ниже Гомера.

Из басен брали, в реториках и пиитиках, образцы низкого, среднего и высокого слога, – брали, вероятно, потому, что тогда верили существованию низкого, среднего и высокого слога. Теперь другое время. Однако ж и теперь никто не сомневается, что басня есть поэтическое произведение, а баснописец – поэт, который местами даже может, так сказать, выходить из ограниченного характера басни и впадать в высшую поэзию, смотря по предметам своих изображений. Так, например, сколько идиллической поэзии в этом описании песни соловья:

*Защелкал, засвистал
На тысячу ладов, тянул, перели-
вался,
То нежно он ослабевал
И томной вдалеке свирелью от-
давался,
То мелкой дробью вдруг по роще
рассыпался.
Внимало все тогда
Любимицу и певцу Авроры;
Затихли ветерки, замолкли пти-
чек хоры,
И прилегли стада.*

*Чуть-чуть дыша, пастух им лю-
бовался
И только иногда,
Внимая соловью, пастушке улы-
бался!{9}*

Или вот это описание бури, которым так поэтически замыкается басня «Дуб и Трость» и которое наши классики с такою гордостью выставляли в образец высокого слога:

*Вдруг мчится с северных сторон,
И с градом, и с дождем, шумящий
аквилон.
Дуб держится, – к земле трости-
ночка припала.
Бушует ветер, удвоил силы он,
Взревел, – и вырвал с корнем вон
Того, кто небесам головой своей
касался
И в области теней пятою упирал-
ся.*

В баснях Крылова можно найти еще и лучшие примеры поэтической силы и образности в выражениях.

Но басни Крылова, кроме поэзии, имеют еще другое достоинство, которое, вместе с первым, заставляет забыть, что они – басни, и

делает его великим русским поэтом: мы говорим о народности его басен. Он вполне исчерпал в них и вполне выразил ими целую сторону русского национального духа: в его баснях, как в чистом, полированном зеркале, отражается русский практический ум, с его кажущейся неповоротливостью, но и с острыми зубами, которые больно кусаются; с его сметливостью, острою и добродушно-саркастическою насмешливостью; с его природною верностию взгляда на предметы и способностью коротко, ясно и вместе кудряво выражаться. В них вся житейская мудрость, плод практической опытности, и своей собственной, и завещанной отцами из рода в род. И все это выражено в таких оригинально русских, не передаваемых ни на какой язык в мире образах и оборотах; все это представляет собою такое неисчерпаемое богатство идиомов, руссизмов, составляющих народную физиономию языка, его оригинальные средства и самобытное, самородное богатство, — что сам Пушкин не полон без Крылова в этом отношении. О естественности, простоте и разговорной легкости его языка нечего и говорить

{10}. Язык басен Крылова есть прототип языка «Горя от ума» Грибоедова, – и можно думать, что если бы Крылов явился в наше время, он был бы творцом русской комедии и по количеству не меньше, а по качеству больше Скриба обогатил бы литературу превосходными произведениями в роде легкой комедии. Хотя он и брал содержание некоторых своих басен из Лафонтена, но переводчиком его назвать нельзя: его исключительно русская натура все перерабатывала в русские формы и все проводила через русский дух. Честь, слава и гордость нашей литературы, он имеет право сказать: «Я знаю Русь, и Русь меня знает» {11}, хотя никогда не говорил и не говорит этого. В его духе выразилась сторона духа целого народа; в его жизни выразилась сторона жизни миллионов. И вот почему еще при жизни его выходит *сороковая тысяча* экземпляров его басен, и вот за что, со временем, каждое из многочисленных изданий его басен будет состоять из десятков тысяч экземпляров. Вот и причина, почему все другие баснописцы, вначале пользовавшиеся не меньшею известностью, теперь забыты, а некоторые даже

пережили свою славу. Слава же Крылова все будет расти и пышнее расцветать до тех пор, пока не умолкнет звучный и богатый язык в устах великого и могучего народа русского. Нет нужды говорить о великой важности басен Крылова для воспитания детей: дети бессознательно и непосредственно напитываются из них русским духом, овладевают русским языком и обогащаются прекрасными впечатлениями почти единственно доступной для них поэзии. Но Крылов поэт не для одних детей: с книгою его басен невольно забудется и взрослый и снова перечтет уж читанное им тысячу раз.

Теперь об издании *сороковой тысячи*. Оно опрятно и украшено портретом автора, виньетой, прекрасно сделанными, и двадцатью четырьмя превосходными политипажами. Может быть, многим странно покажется, что из *трехсот семи* басен^{12} только к двадцати четырем приложены политипажи. Эти картинки взяты с великолепного парижского издания: оттого и лица на них и костюмы явно иностранные, а на некоторых заметите вы французские надписи, которые издатель не

догадался стереть. Разумеется, что политипажи приложены только к тем басням, которых содержание или взято из басен Лафонтена, или сходно с ними; но как-то дико видеть при русских, при крыловских баснях эти *немецкие* лица и костюмы. А политипажи при баснях Лафонтена – превосходны: не говоря уже о чудесной работе, какая прекрасная мысль – одеть животных в платья и сделать в них что-то среднее между мордою животного и лицом человеческим. Вот хоть этот толстый господин в сюртуке, с бычьєю физиономией) и рогами, который так гордо смотрит на низенького франта во фраке с лягушечьего мордою, брюхом и тоненькими ножками; франт, закинув голову, надувается, чтобы сравняться в росте и дородности с толстым господином-быком! В изобретениях такого рода французский гений торжествует: никто лучше француза не сочинит карикатуры, виньетки, гротеска какого-нибудь; никто лучше француза не придаст этой безделке столько ума, грации, жизни. У нас есть и свои художники с дарованьем – и при этом мы невольно вспомнили об очерках г. Сапожникова к известному

изданию басен Крылова in-quarto:[2]{13} сколько в этих очерках таланта, оригинальности, жизни! какой русский колорит в каждой черте! И что же? – Нашим художникам пока еще нечего делать: во-первых, у нас нет хороших гравировщиков, и мы по необходимости посылаем в Лондон собственные рисунки{14}, а во-вторых, наша публика мало читает русские книги и еще меньше покупает их. К этому присоединяется излишняя доверчивость ко всему иностранному, излишняя недоверчивость ко всему русскому, – и, надо сказать, то и другое не всегда бывает без основания. У нас вообще никто еще не приучился хорошо делать и при средствах. Например, какие огромные средства даны были для издания Пушкина, и что же? Пушкин дурно напечатан, на оберточной бумаге, с страшными опечатками, с выпуском важных пьес (например, «Демона», «К Морфею»), с ложным размещением по родам; пущен по неимоверно высокой и нисколько не соответственной с безобразием издания цене, и притом без целой трети сочинений Пушкина, за которые надо платить новые деньги и которых, бог знает,

когда дождется наша публика!{15} Вот и еще новый и притом самый свежий пример сказанного нами – *сороковая* тысяча басен Крылова: бумага хорошая, печать тоже; портрет автора, виньетка, политипажи, хоть и чужие, – но цена умеренная (5 рублей ассигнациями): видно, что у издателя были средства и он не щадил их; но что за безвкусие! – поля узенькие, шрифт чересчур крупен – и что за аккуратность! – просмотрите басню «Скупой», и вы прочтете в конце 256 страницы следующие четыре стиха:

*Так на прощанье, в знак приязни,
Мои сокровища принять не откажись!*

*Так на прощанье, в знак приязни,
Мои сокровища принять не откажись!*

Два стиха повторены! Боже мой! кому поручают издатели смотрение за своими изданиями!..

Сноски

1

Каждому свое! (*лат.*) – *Ред.*

[^^^]

2

в четвертую долю листа (*лат.*). – *Ред.*

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

В № 40 «Литературной газеты» за 1840 г. содержится следующее признание: «Мы не успеваем извещать о новых изданиях басен Хемницера, которые появляются если не еженедельно, то по крайней мере ежемесячно в Москве...» К *порядочным изданиям* критик, по всей видимости, относит «Басни и сказки...» (СПб., 1838) с биографическим очерком Кс. А. Полевого и «Басни и сказки...» (ч. V–III, СПб., 1838) с биографическим очерком И. Сахарова; *площадные издания* – «Басни и сказки...» (кн. 1–3, М., 1837; типография В. Кириллова, «Басни...» (кн. 1–3, М., изд. А. Кузнецова, 1838) и ряд других. В № 5 «Отечественных записок» за 1840 г. вслед за данной рецензией был помещен отклик Белинского на «новое, только что выпущенное издание <Хемницера>, напечатанное именно в типографии г-на Кириллова» (Белинский, АН СССР, т. IV, с. 153).

[^^^]

2

Имеется в виду статья Н. А. Полевого «Басни Ивана Хемницера» («Библиотека для чтения», 1837, т. XXIV, отд. V, с. 25–52; перепечатано в кн.: Н. А. Половой. Очерки истории русской литературы, ч. I. СПб., 1839, с. 383–412). В журнале эта статья публиковалась в разделе «Критика».

[^^^]

3

Намек на высказывание Ф. В. Булгарина, процитированное в рецензии «Репертуар русского театра... Третья книжка» (наст. т., с. 390; см. также прим. 23 к указанной рецензии).

[^^^]

4

Критик приводит первую строку «сказки» А. Е. Измайлова «Пьяница» (1816).

[^^^]

5

«Павлушка – *медный лоб* (приличное прозвание!)...» – первая строка «сказки» А. Е. Измайлова «Лгун» (1823).

[^^^]

6

Об этом см., например, в начале статьи «Герой нашего времени», а также в статье к наст. т.

[^^^]

7

Перефразированная строка из басни «Лисица и сурок» (1813).

[^^^]

8

Имеются в виду басни «Откупщик и сапожник» (1811), «Кот и повар» (1812), «Огородник и философ» (1811), «Три мужика» (1830).

[^^^]

9

Критик цитирует басню «Осел и соловей» (1811).

[^^^]

10

В черновой статье «Возражение на статью «Атенея» (1828) Пушкин, в частности, писал: «Кстати о Крылове. Вслушивайтесь в простонародное наречие, молодые писатели – вы в нем можете научиться многому, чего не найдете в наших журналах» (Пушкин, т. VII, с. 77).

[^^^]

11

Белинский имеет в виду следующее высказывание Полевого из «Разговора между сочинителем русских былей и небылиц и читателем», предваряющего его роман «Клятва при гробе господнем. Русская быль XV века» (ч. I, М., 1832, с. IX): «Но кто читал, что писано мною доньше, тот конечно скажет вам, что *квасного патриотизма* я точно не терплю, но Русь знаю, Русь люблю, и – еще более, позвольте прибавить к этому – Русь меня знает и любит».

[^^^]

12

В рецензируемом издании было опубликовано не 307, а 186 басен.

[^^^]

13

Имеются в виду иллюстрации А. П. Сапожникова к «Басням Ивана Крылова» (ч. I–II, СПб., 1834).

[^^^]

В эпоху Белинского гравирование на стали (что позволяло печатать оттиски большими тиражами) производилось исключительно за границей. Только в 1838 г. К. Я. Афанасьев осуществил в России первый опыт в этом роде. В 1840-е гг. появляются оригинальные русские иллюстрации, резанные на дереве (политипажи). Первая книга, вышедшая с отечественными политипажами (работы К. К. Клодта) – «Провинциальные сцены...» Д. Н. Бегичева (1840). В рецензии на нее Белинский писал: «Издание... украшено политипажною виньеткою и четырьмя политипажными картинками, прекрасно исполненными. Картинки сделаны г. Клодтом; в изобретении есть оригинальность и много жизни» (Белинский, АН СССР, т. IV с. 155).

[^^^]

Критик имеет в виду восемь томов «Сочинений Александра Пушкина» (СПб., 1838) – первого посмертного издания. Три последних тома этого издания (IX, X, XI) вышли в 1841 г.

[^^^]

[^^^]